

Большая жёлтая собака продолжала двигать пастью, передавая голос Юнь Байли:

— Генерал Цин Мян, Юнь кое-какие слова разобрать умеет. На цветке вырезано имя «Фан» — думается мне, это твой приёмный отец подарил? Те два цветка, что ты отдала в дань уважения сестрице Мэн По, назад не потребуешь. А вот этот сорванный цветок, чтобы обменять его на Пилюлю Продления Души... Поразмыслив как следует, Юнь чувствует, что он жжёт руки, поэтому я всё же принёс его тебе.

— А ты неплохой малый, оказывается, — Цин Мян достала из собачьей пасти золотой цветок.

Он, разумеется, был насквозь мокрым и сплошь покрытым слюной пса.

Юнь Байли, опасаясь, что она побрезгует, но постесняется проявить недовольство, сам предложил:

— Всё это слюни этой паршивой собаки, ты бы поскорее вытерла.

Цин Мян достала платок, чтобы обтереть цветок, и одновременно спросила:

— Сколько ты сможешь пробыть в мире живых?

— Сегодня в час хай придётся возвращаться в подземный мир. Я вовсе не говорил, что принёс вещь именно тебе. Чэнхуану я заявил, что иду зачитать тебе новое наставление: мол, не действуй опрометчиво, и если из-за расследования с возвращением души изменится слишком много людских судеб, как бы Государыня Хоуту не прогневалась на загробный мир и не урезала нам квоты на приём людей в качестве призрачных служащих.

Выслушав его, Цин Мян тихо издала неопределённый звук.

Юнь Байли уловил в её голосе скрытое разочарование и прямо спросил:

— Ты, часом, не думала, что раз я могу вселяться в котов и собак, то смогу подсесть и к какому-нибудь слуге или служанке, пробраться в семейство, что затеяло против вас злодейство, и узнать об их словах и поступках?

Цин Мян кивнула:

— Только что, впервые увидев тебя, у меня действительно промелькнула такая мысль. Но, судя по твоим словам, небожители и подземные владыки строго-настрого запрещают вам вмешиваться в людские причинно-следственные связи и велют заниматься лишь воздаянием за добро и наказанием за зло после смерти. Они держат призрачных служащих в строгом повиновении, и я не могу заставлять тебя нарушать приказ. Словно и тогда, когда моя душа

пала на постоянный двор семьи Цзинь, мне приходится соблюдать осторожность во всём, дабы ради выяснения правды не навлечь беду на стариков и детей семейства Цзинь.

Юнь Байли вилял хвостом, уставившись на пестрые тени деревьев на песчаной земле, и молча слушал.

Когда сестрица Мэн По угощала его вином, она часто заводила с ним волынку о том, что излюбленный приём женщин — прикинуться понимающими, жалкими и беспомощными, одновременно выставляя напоказ непоколебимую приверженность морали с таким видом, будто «лучше люди предадут меня, чем я предаю людей».

Благодаря этому женщина способна пробудить в мужчине то самое стремление выступить защитником и броситься на амбразуру, превращая их в пушечное мясо и даже козлов отпущения.

Слова Мэн По Юнь Байли отчасти мотал на ус, но что касалось Цин Мянь... пусть они общались и недолго, он всё же верил: эта девица не занимается показушным кокетством и манипуляциями.

Разве может быть изворотливым, эгоистичным и играющим чужими сердцами подлым крысенышем та Цин Мянь, которая готова отказаться от множества будущих перерождений и круговоротов ради того, чтобы добытая ею правда принесла успокоение благодетелю?

Юнь Байли хотел помочь ей. Помочь изо всех сил.

Даже если он и она — всего лишь букашки.

Тогда Юнь Байли уселся по-собачьи и произнёс наполовину утешающим, наполовину вопросительным тоном:

— Как насчёт того, чтобы после моего ухода из мира живых ты забрала эту жёлтую собаку с собой в усадьбу Цзинь и приютила? Позже я постараюсь снова обратиться с прошением к Чэнхуану или Владыке Янь, и пусть даже мне удастся изредка вселяться в жёлтую собаку, возможно, это тоже послужит тебе подспорьем.

Цин Мянь не стала радостно соглашаться:

— Если они разрешат и это не навлечёт на тебя наказание, то за твою готовность протянуть руку помощи я, конечно, буду бесконечно благодарна. Когда через семь лет я вернусь в подземный мир, я обязательно подежурю за тебя лишний раз.

— Ха-ха, ладно, условлено.

Цин Мянью убрала вытертый от слюны золотой цветок в котомку, снова устремила взгляд на Цинь Сюй у мемориального кладбища и пояснила Юнь Байли:

— Я не надеваю этот золотой цветок сейчас, потому что боюсь, как бы та женщина не узнала его, когда я подойду к ней заговорить.

— О, та женщина — она тоже из вашего войска Цинь?

— Угу, её зовут Цинь Сюй. Как и я, она — приёмная дочь в военных чинах, которую взял маршал Цинь, но её выслуга гораздо больше: ещё года четыре-пять назад она была любимым и доверенным зубчатым командиром маршала. Раз уж такой человек, которого совсем непросто провести, ничуть не усомнилась в жизни и смерти маршала, скорее всего, она в сговоре с особняком Мао.

— В день, когда с вами случилось несчастье, её не было в особняке Мао? — спросил Юнь Байли.

— Она утверждала, что получила солнечный удар, и не поехала, — Цин Мянью приподнялась на локте. — Я пойду повидаться с ней, а ты возвращайся в подземный мир.

— Подожди, — внезапно остановил её Юнь Байли, чей угол обзора отличался от её собственного. — Кто-то идет. Похоже на чиновников. Взгляни на халаты — это из управы Инъяньфу или из императорского дворца?

Цин Мянью перевела взгляд: и впрямь, всадник в круглой шлемовидной шляпе с красным пером и чёрном парадном одеянии с вышивкой верхом поднимался на гору.

— Это Цзиньвей. Они служат исключительно императору, подчиняются только ему и не зависят ни от каких гражданских или военных чинов, — сообщила Цин Мянью Юнь Байли.

— Цзиньвей? — причмокнул Юнь Байли. — Раньше от тех призраков я что-то не слыхивал такого официального титула. Неужели это новое звание, учрежденное в Великой Лю?

— Угу, в прошлые годы это ещё называлось Управлением главного военного дознания, а потом переименовали...

Цин Мянью говорила-говорила и вдруг умолкла, на её лице отразилось оцепенение.

Тот самый служащий Цзиньвей как раз замедлил ход лошади, проезжая по тропинке мимо Цин Мянью. Его взгляд задержался на её лице, не желая отрываться, и в нём сквозила присущая лишь гончим Сына Небесного мрачная бдительность — такая, с какой высматривают подозрительных лиц даже среди обычных простолюдинов.

Цин Мянь тоже тупо уставилась на него в ответ.

Се Сыхэн?

Определенно он, она не могла ошибиться.

.....

Ехавший верхом сотник Цзиньивей Се Сыхэн отвёл суровый взгляд.

Не стоило пугать изнеженную барышню, которая отдыхает и спасается от жары у дороги.

Целью Се Сыхэна был тот человек впереди, главный доверенный сподвижник маршала Цинь.

Услышав топот копыт, Цинь Сюй широким шагом направилась навстречу. Распознав лицо спешившегося человека, она подавила мгновенно хлынувшую панику и изо всех сил изобразила на лице радостное удивление:

— Молодой господин Се, неужто это вы?

Се Сыхэн сложил руки в приветственном жесте:

— Прошу генерала Цинь не именовать меня «молодым господином» — ныне Се служит в Цзиньивей.

Цинь Сюй бросила взгляд на вырезанную на поясной бирке Се Сыхэна надпись «сотник», поспешно принесла извинения:

— Ах, малая небрежна, проявила неуважение. Приветствую господина сотника.

— Вовсе не стоит генералу Цинь придавать столь большое значение какому-то чиновнику шестого ранга. Просто Се уже давно отвык от того, чтобы кто-то звал его «молодым господином», — Се Сыхэн в упор посмотрел на Цинь Сюй. — Ещё вчера Се отправился на Янцзянскую почтовую станцию, но генерала Цинь там не оказалось. Тогда Се попросил почтовых служащих передать весть, что сегодня в начале часа чэнь Се явится разыскать вас, чтобы расспросить о деле маршала.

Цинь Сюй нахмурилась:

— Ничего об этом не ведаю. Должно быть, из-за того, что в эти дни здесь устроили погребальный зал маршала, почтарей завертела суэта, и они позабыли.

Се Сыхэн продолжил:

— Только что я заходил на Янцзянскую почтовую станцию и видел, как высокие монахи из монастыря Цзиминь проводят поминальную службу по госпоже маршалу. Почему же генерал Цинь не несёт вахту в траурном зале?

Про себя Цинь Сюй подумала: я бы и впрямь очень хотела пообщаться с тобой лицом к лицу и по старой дружбе излить душу, но только не сейчас.

Се Сыхэн, если я сейчас начну с тобой схватку, то от избытка слов совершу ошибку — как бы ты и вправду не усмотрел здесь какого-то подвоха.

Но раз уж человек преследовал её по пятам, Цинь Сюй оставалось лишь продолжать разыгрывать спектакль.

Её глаза покраснели, она шмыгнула носом и срывающимся, слегка надломленным голосом произнесла:

— На почтовой станции выставлена лишь мемориальная табличка. А госпожа маршал... она ведь лежит здесь, совсем одна-одинёшенька. Я должна приходить составлять ей компанию. К тому же у госпожи в столице нет кровных роднившихся близких, кто-то же должен надзирать здесь за работами, чтобы кладбище возвели покрепче...

Цинь Сюй изобразила крайнюю степень горя, не позволяющую ей продолжать говорить, и подняла руку, чтобы смахнуть слёзы.

— Скорблю вместе с вами.

Сухо бросил Се Сыхэн всего две фразы.

Он подошёл к могиле Цинь Фан, зажёл благовония для жертвоприношения, после чего обошёл её справа и полуприсел, опираясь руками о колена перед тем каменным надгробием, что было чуть поменьше размером, вглядываясь в высеченное на камне имя: Цинь Мян.

<http://bllate.org/book/21831/2261319>